

Г.Н. Манаенко

**КОММУНИКАТИВНЫЕ
ДЕЙСТВИЯ
ГОВОРЯЩЕГО
КАК ОСНОВА
КЛАССИФИКАЦИИ
ОСЛОЖНЕННОГО
ПРЕДЛОЖЕНИЯ**

Тема: проблема классификации осложняющих конструкций. Объект — осложненное предложение. Предмет — основания классификации типов осложнения простого предложения. Цель — доказательство основополагающей роли речемыслительных действий говорящего для типологии осложненного предложения. Подход — информационно-дискурсивный, метод — гипотетико-дедуктивный. Типы осложняющих простое предложение конструкций возможно последовательно классифицировать на основе коммуникативных действий говорящего.

Манаенко Геннадий Николаевич — докт. филол. наук, зав. кафедрой теории языка и массовой коммуникации Ставропольского госпедуниверситета

Суть коммуникации как смыслового аспекта социального взаимодействия людей состоит не только в апелляции к концептуальным (информационным) схемам индивидов через указание на определенные конфигурации смыслов как результатов прежней ментальной и коммуникативной деятельности, но и в создании мысли, способной внести новый смысл или привести к изменению конфигурации смыслов. Сообщение — это всегда порождение мысли, а не просто актуализация смыслов. Следовательно, сообщающая единица (единица информации) — это всегда отображение мысли как деятельности человека. Информационная ёмкость, насыщенность текста определяются не простым количеством наличествующих в нем указаний и других обозначений пропозиций, а количеством обозначенных пропозиций, вовлеченных в деятельность, ставших объектом непосредственной мысли.

Поскольку некоторое исходное пространство мысли образуется наличием абстрактной взаимосвязи между объектами, т.е. отношением, устанавливаемым человеком [Логический словарь, 1994, с. 170], как сообщающую единицу можно определить ту, в которой отображаются информационные и коммуникативные действия говорящего. Сообщающая единица (соотносительная с единицей информации) — это языковое выражение, в котором отображается любое логическое отношение: предикации, импликации, конъюнкции, дизъюнкции, логического следования и т.д. Именно в этом смысле сообщающие единицы можно определить как приписывающие (предицирующие). В таком случае

простое предложение является основным способом отображения единицы информации. Информационно усложненной выступает такая языковая единица, в которой отображается не только предиктивное предложение, но и наличие отношений между предложениями, вовлеченными в речемыслительную деятельность.

Поскольку язык всегда выражает мысль в конкретном акте общения, особенности отображения мысли и выступают в качестве «хода» в языковой игре, связанного с коммуникативными действиями говорящего. Сама вербализация предложения и ее грамматикализация определяют статус данной информации как в структуре текста, так и в содержании. Указание на предложение, его следы могут быть представлены в качестве компонентов той предложения, которая непосредственно вовлекается в пространство мысли и соотносится с коммуникативными действиями говорящего, что, на наш взгляд, и выступало основанием разграничения понятий распространения, в том числе и детерминации, с одной стороны, и усложнения предложения, с другой. Назначение синтаксических конструкций, подводимых под понятие усложнения, априори достаточно легко определяется как комментарий основной информации, или единиц информации, заданных приоритетно с помощью таких синтаксических единиц, как простое и сложное предложения. Комментарий же — это не что иное, как родовый термин для обозначения определенных коммуникативных действий говорящего по организации информации в тексте.

Для обозначения минимального конкретного речевого действия говорящего в научной литературе применяются различные термины. Так, В.А. Шаймиев использует выражение *речевой шаг*: «Речевой шаг может быть определен как минимальное действие говорящего в процессе порождения текста. Понятие *речевой шаг* отражает деятельностьную, а не предметно-тематическую сторону текста. Необходимо определенно оговорить, что речевые шаги Говорящего — это не столько физические, сколько интеллектуальные, а точнее, ментально-модусные (по Н.К. Рябцевой) речевые действия по порождению текста» [Шаймиев, 1998, с. 71]. При этом В.А. Шаймиев специально подчеркивает, что не использует в данных целях понятие иллокутивного акта, так как последний охватывает более широкое понятие — действие, соответствующее по «объему» высказыванию или даже целому тексту. Речевой шаг должен обозначать более частные действия, нередко в пределах иллокутивного акта, который может включать несколько речевых шагов говорящего.

Однако существует досадная омонимия, поскольку в теории речеведения *речевой шаг* как единица уровня дискурса, наоборот, может включать в себя несколько высказываний, соответственно, и несколько речевых актов [Педагогическое речеведение, 1998, с. 197–198], кото-

рые, в свою очередь, определяются как элементарные, далее неделимые единицы речевого поведения (речевые поступки, речевые действия), объединенные в единицы более высоких уровней — речевые шаги, циклы, взаимодействия [там же, с. 194]. При этом, как и В.А. Шаймиев, авторы словаря «Педагогическое речеведение» опираются на исходные посылки теории речевых актов, в числе которых предположения о том, что, во-первых, некое действие (поступок) совершается говорящим при произнесении любого высказывания; во-вторых, одному намерению соответствует один речевой акт. Таким образом, в данной концепции речевой шаг отображает не одну интенцию говорящего, а сами обозначения речевых актов представляют не столько интенции говорящего, непосредственно направленные на собеседника, сколько роль отдельных высказываний в структуре диалога и не совпадают с наиболее известными таксономиями речевых актов. И речевой шаг, и речевой акт в такой интерпретации соответствует «внешним» речевым действиям говорящего, внешним по отношению к предметно-тематическому плану текста и соотносимым с коммуникативными интенциями говорящего по организации информации в тексте при общении.

Традиционная классификация речевых актов, в частности, предложенная Дж. Р. Серлем, ориентируется на выражение намерения говорящего, направленного на адресата, и, в принципе, строится на соответствии языковой формы высказывания перлокутивному действию — воздействию на адресата в форме директива, репрезентатива, эмотива или декларатива. Иначе можно сказать, что в таком аспекте речевой акт предстает как соответствие содержания (единиц информации) формам его представления (единицам языка) в речи как отдельном высказывании. Отсюда появляется основание для разграничения прямых и косвенных речевых актов, а также возможность вычленения в неделимом (но только по данному соответствию) речевом акте-высказывании отдельных речевых действий, соотносительных с коммуникативными и информационными интенциями говорящего (более частные речевые действия, по В.А. Шаймиеву).

В таком аспекте речевые шаги как элементарные речевые действия воплощают через материю языка в конкретном высказывании не только коммуникативные, но и информационные интенции говорящего, направленные на адресата через предметно-тематическую сторону текста, причем в их единстве. Речевой шаг как ментально-модусное действие говорящего становится решением коммуникативной задачи, связанной не только с креативной иллокутивной рефлексией, но и креативной предметной рефлексией говорящего, и это решение находит отображение в языковой форме высказывания. Таким образом, коммуникативная деятельность говорящего заключается не просто в отображении той или иной мысли, но и в придании ей определенно-

го информационного и коммуникативного статуса, демонстрации направления мысли, связи мыслей и их отношения к индивидуальному образу мира и представляемому его фрагменту.

Так как выражение *решение коммуникативной задачи* весьма громоздко, а выражение *речевой шаг*, к сожалению, омонимично при своем употреблении в научной литературе для обозначения понятия, содержание которого составляет отображение ментально-модусных действий говорящего, связанных с креативной предметной и иллокутивной рефлексией, можно считать целесообразным использование выражения *коммуникативное действие*. При этом в качестве теоретического допущения принимается тезис, согласно которому любое коммуникативное действие находит свое воплощение в языковых формах текста или высказывания. Так, элементарное высказывание, например репрезентатив *Птица летит*, отображает одно коммуникативное действие говорящего, связанное с креативной предметной рефлексией говорящего над одной пропозицией, равно как и высказывание *Птицы летают, а рыбы плавают*, обусловленное креативной предметной рефлексией над тремя пропозициями: двумя диктумными и одной логической.

Иначе обстоит дело в высказываниях, основанных на осложненных предложениях: любое осложненное предложение отображает как минимум **два** коммуникативных действия говорящего, так как одна из пропозиций представлена как имеющая меньшую коммуникативную ценность. Здесь не просто отображены две мысли, но также их соотношение: основная — комментирующая. Отображение коммуникативных действий связано не только с использованием осложняющих конструктов, но осложнение предложения — это всегда отображение двух коммуникативных действий над **двумя** пропозициями, вовлеченными в пространство мысли. Осложнение предложения — это всегда указание направления мысли и указание креативной рефлексии говорящего — предметной или иллокутивной. Осложнение предложения — это не только отображение того, сколько пропозиций действительно «видит» говорящий, т.е. вовлекает в мыслительный процесс, но и того, каким он видит их соотношение, а также какие совершает коммуникативные действия над ними.

Следовательно, информационный объем (количество пропозиций) в тексте задают основные коммуникативные синтаксические единицы — простое, осложненное и сложное предложения, выступая языковой основой высказываний: простое предложение — 1 единица информации; осложненное — 2 и более единицы информации; сложное предложение — 3 и более единиц информации. Взятые в таком ракурсе синтаксические единицы отображают креативную предметную рефлексию говорящего. Специфика осложненного предложения пре-

жде всего заключается в том, что в нем заданы две коммуникативно неравноценные единицы информации. Отображение коммуникативной неравноценности одной из единиц информации достигается через отображение коммуникативного действия говорящего, обусловленного его креативной *иллокутивной* рефлексией.

Примечательно, что в названиях некоторых осложняющих категорий отображена коммуникативная деятельность говорящего: *вставка, вводные* конструкции — соотнесены не с информационными, а именно с коммуникативными интенциями говорящего и называют эти действия; *уточнение, пояснение, включение / исключение, сравнение* — соотнесены с коммуникативными интенциями и называют действия говорящего по координации единиц информации; *обращение* — соотнесено с коммуникативной интенцией и отображает действие говорящего по определению роли единицы информации в тексте и дискурсе.

В отношении других традиционно выделяемых осложняющих категорий, представленных, прежде всего, деепричастными и адъективными оборотами, заметим, что еще начиная с трудов А.Х. Востокова, они анализировались в рамках учения о *сокращенных* придаточных предложениях, т.е. в названии этой теории также отражена коммуникативная деятельность говорящего. Еще более поразительной предстает интуиция А.М. Пешковского, привнесшего в синтаксические исследования термин *обособленные второстепенные члены предложения* и давшего им следующее определение: «Обособленным второстепенным членом предложения называется второстепенный член, уподобившийся (один или вместе с другими, зависящими от него членами) в отношении мелодии и ритма и — параллельно — в отношении связей своих с окружающими членами отдельному придаточному предложению» [Пешковский, 1956, с. 416].

По сути, А.М. Пешковский выделил особые синтаксические конструкции, выполняющие одну и ту же синтаксическую функцию — осложнение предложения — и первым определил особый интонационный рисунок предложений с обособленными компонентами в качестве языкового средства выражения смысловых отношений между ними, однако исследовать эти отношения отказался, считая их выходящими за пределы языкознания. В концепции А.М. Пешковского обособление, т.е. интонационное выделение того или иного сегмента предложения, объясняется формально: причина обособления заключается в том, что выделяемый компонент якобы попадает в некоторые особенные структурные условия. Данная установка послужила исходной для развития целого учения об «условиях обособления», нашедшего отражение практически во всех последующих описаниях осложненного предложения. Самая же существенная черта всех обособленных компонентов предложения — их синтаксическая функция —

осталась вне поля зрения как самого А.М. Пешковского, так и всех ученых, разрабатывавших положения данного учения, что не позволило им вскрыть коренного различия между обособленным и необособленным компонентами предложения.

Более того, отнеся все обособленные члены предложения к второстепенным и учитывая при этом прежде всего морфологическое выражение и формальные связи обособляемого слова или оборота с поясняемым словом, А.М. Пешковский дал еще один повод для критики. Как отметил П.В. Богданов, «морфологическое выражение члена предложения лишь следствие выполняемой им функции, а вид формальной связи — следствие морфологического выражения. А.М. Пешковский классифицирует члены предложения не по главному признаку, что мешало ему исследовать в полном объеме обособленные члены, описать все их особенности и отграничить от необособленных» [Богданов, 1977, с. 81].

Если взгляды А.М. Пешковского, гениально выявившего общую особенность языкового оформления всех обособленных компонентов предложения, традиционно подводимых под понятие осложнения, привели к развитию исследований формальных условий обособления, то опора на понятие апперцепции и учение о психологическом суждении А.А. Потебни породили еще одну доминирующую и в настоящее время тенденцию в описании осложненного предложения — становление и продвижение концепции «полупредикативности» обособленных членов предложения. Критика А.А. Потебней теории о сокращенных придаточных предложениях и в трактовке А.Х. Востокова, и в трактовке Ф.И. Буслаева определялась неприятием самой идеи редукции «готовых» придаточных предложений к второстепенным членам в главном: «Части простых предложений... не суть ни предложения, ни сокращения чего-либо, притом в равной мере» [Потебня, 1958, с. 123]; «Ни причастие, ни неопределенное наклонение, ни существительное *пот. аг.* не возникли из придаточных предложений (коих и не было), но с самого начала суть члены простого предложения» [Потебня, 1968, с. 276]. Следует отметить, что выдвинутое А.А. Потебней вместо понятия сокращенного придаточного предложения понятие аппозиции (приложения) распространялось только на так называемые обособленные определения и собственно приложения: «...приложение (аппозиция. — *Г.М.*) более самостоятельно по отношению к определяемому, чем собственно определительное... Под относительную самостоятельность приложения следует понимать его большую предикативность сравнительно с собственным определением» [Потебня, 1958, с. 109]. Соответственно *большая самостоятельность* и *большая предикативность* аппозитивного члена предложения сближают его со сказуемым.

Исходной же точкой для А.А. Потебни в понимании предикативности выступает выраженность психологического предиката (т.е. происходит трансформация синтаксической категории в морфологическую), отсюда его стремление искать предикативность в каждой части речи, так как он не разграничивал, используя современную терминологию, внутренний предикат, предикат суждения и отношения предикации: «Если принять *vb. finitum* — сказуемое за единицу для измерения предикативности, то окажется, что одни члены предложения более приближаются к этой единице, другие — менее. Так, причастие ближе к глаголу, чем существительное и прилагательное; но эта близость не простирается до тождества с личным глаголом» [Потебня, 1958, с. 123].

Идеи А.А. Потебни о различной «предикативности» частей речи, с одной стороны, используются и в настоящее время для объяснения сущности осложняющих компонентов предложения, но лишь механически объединяясь с учением об обособлении А.М. Пешковского в самых разнообразных вариантах соотношения, что находит свое отражение в терминологических противопоставлениях. С другой стороны, степень предикативности частей речи легла в основу так называемого семантического осложнения предложения, связанного с представленностью (морфологическим выражением) пропозиций в простом предложении, а именно в его диктумном содержании. Таким образом, ни способы языкового оформления другой пропозиции — выделение компонента предложения с помощью интонации или введения в его состав союза, ни апперцепирующая способность лексических единиц представлять психологическое суждение, ни наличие особых синтаксических отношений (предикативных и внутрирядных), ни отображение междuloгемных, по П.Д. Богданову, связей членов предложения, ни морфологическая природа члена предложения не являются исходным критерием типологии осложняющих компонентов предложения, выявляющим сущность осложненного предложения как коммуникативной синтаксической единицы.

Сущность осложненного предложения как единицы языка состоит в представлении соотношения двух единиц информации, обладающих разным коммуникативным статусом: основным и комментирующим. Ориентация слушающего в таком аспекте достигается благодаря языковым категориям, типам осложняющих конструкций, показывающим, какие коммуникативные действия, обусловленные креативной иллокутивной рефлексией совершает говорящий. В то же время можно утверждать, что коммуникативные действия, связанные с креативной предметной рефлексией говорящего, отображаются при реализации высказывания на основе каждого типа коммуникативных синтаксических единиц: *Город будет. Я знаю это; Я знаю, что город будет (Я знаю: город будет); Я знаю, город будет (Конечно, город будет).*

Безусловно, в процессе порождения речи (свершения мысли в слове) предметная (информационная) и иллокутивная рефлексии говорящего слиты воедино и взаимообусловлены: они направлены не только на представление единиц информации и определение их коммуникативного статуса, но и на отображение их качества в порождаемом тексте, а также достижение перлокутивного эффекта. При этом качество единиц информации понимается как их роль в содержании текста, определяемая перлокутивной целью: тезис, аргумент, исходная посылка, резюме, вывод, прогноз, следствие, результат, вызов, обращение, подтверждение и т.п., что примерно соответствует типам речевых шагов, по А.К. Михальской. Коммуникативная роль единиц информации выявляется при конкретном речевом взаимодействии коммуникантов в пространстве текста, однако построение высказывания на основе осложненного предложения всегда сигнализирует, какая единица информации (предицированная пропозиция) коммуникативно приоритетна и какие ментально-модусные действия предприняты с этой целью говорящим, т.е. осложненное предложение всегда показывает слушающему, каким образом организована и представлена единица информации.

Придавая единицам информации коммуникативный статус, основной или комментирующий, говорящий осуществляет три типа операций ментально-модусного характера (коммуникативных действий): **слияние, расщепление, добавление** пропозиции. При этом слияние обеспечивается за счет элиминации (редукции) одинакового состава языкового выражения второй предицированной пропозиции (вовлеченной в пространство мысли); расщепление — путем трансформации состава языкового выражения основной пропозиции; добавление — инкорпорацией в различной степени редуцированного состава языкового выражения второй пропозиции в составе языкового выражения основной предицированной пропозиции. Каждый тип операций совершается говорящим с целью *указания* или *представления* второй пропозиции. Разграничение указания и представления определяется типом предицированной (вовлеченной в пространство мысли) пропозиции, переводимой говорящим в ранг комментирующей единицы информации. Указание детерминировано либо модусной, либо логической пропозицией, представление — диктумным характером пропозиции, либо отсутствием основного, точнее, иного способа выражения логической пропозиции.

При *слиянии* указываются (подчеркиваются) соотношения (логическая пропозиция) между единицами информации. Комментирующий характер логической пропозиции обеспечивается за счет редукции однотипного языкового выражения второй и последующих диктумных предицированных пропозиций. Такие коммуникативные действия го-

ворящего отображают следующие осложняющие категории: 1) ряды однородных компонентов предложения, 2) присоединительные конструкции, 3) пояснительные конструкции, 4) сравнительные обороты. Для придания логической пропозиции статуса единицы основной информации построение высказывания говорящим осуществляется на основе соответствующего сложного предложения: различных типов сложносочиненных (с соединительными, разделительными, противительными и пояснительными союзами) и сложноподчиненных (с придаточными подчинительно-присоединительными и сравнительными).

Представляются при *слиянии* логические пропозиции, не имеющие в языковой системе иных способов выражения. При этом актуализируются не только отношения между коммуникативно неравнозначными диктумными пропозициями, но и их содержание, поскольку тип отношения детерминирован взаимным соответствием информационных единиц. Комментирующий статус одной из них также достигается редукцией однотипного состава языкового выражения. Данные коммуникативные действия говорящего отображают следующие осложняющие категории: 1) уточняющие конструкции, 2) обороты со значениями включения / исключения.

При *расщеплении* указываются (подчеркиваются) соотношения (логическая пропозиция) между единицами информации. Комментирующий характер логической пропозиции обеспечивается за счет трансформации структуры исходной диктумной пропозиции — придания информационного статуса ее сирконстанту, что возможно в русском языке при видоизменении ее языкового состава, когда логическая пропозиция получает свое выражение с помощью производного предложения, входящего в языковой состав выражения данного сирконстанта. Тем самым изменяется характер синтаксических связей данного компонента предложения: из внутрилогемной эта связь трансформируется в междuloгемную. Такие коммуникативные действия отображает осложняющая категория субстантивных оборотов со значением обусловленности: причины, условия, уступки, цели и следствия. Для придания логической пропозиции статуса единицы основной информации построение высказывания говорящим осуществляется на основе соответствующих типов сложноподчиненных предложений расчлененной структуры.

Представляется при *расщеплении* исходной пропозиции вторая пропозиция диктумного характера, комментирующий статус которой обеспечивается трансформацией структуры исходной пропозиции через придание информационного значения какому-либо атрибуту одного из ее актантов, что возможно при выражении отношения предикации с помощью специализированных языковых форм (причастных и

деепричастных), изменения интонации и изменения порядка местоположения компонентов предложения. Данные коммуникативные действия говорящего отображают следующие осложняющие категории: 1) деепричастные обороты, 2) причастные обороты, 3) адъективные обороты, 4) субстантивные обороты с атрибутивным значением. Примечательно, что традиционные названия таких осложняющих категорий ориентируют на морфологическую отнесенность их опорных компонентов, выступающую основным способом отображения отношения предикации и подсказывающую в порядке убывания степень их потенциальной предикативности.

При *добавлении* указываются (подчеркиваются) модусные или логические пропозиции, комментирующий характер которых обусловливается отсутствием или разрывом формально выраженных синтаксических связей их языкового состава с составом пропозиции основной единицы информации в высказывании, т.е. отсутствием отношений (логической пропозиции) между различными единицами информации. Возможность инкорпорирования (внесения) модусной пропозиции, т.е. непосредственно отображающей речемыслительную деятельность говорящего, в объем предиктированной диктумной пропозиции детерминирована принципиальной диалогичностью порождаемого в коммуникации текста и стремлением говорящего к достижению максимального перлокутивного эффекта. Данные коммуникативные действия говорящего отображают следующие осложняющие категории: 1) вводные слова, 2) обращения. Для придания модусной пропозиции статуса единицы основной информации построение говорящим высказывания осуществляется на основе сложноподчиненного или бессоюзного предложения с изъяснительным значением. При этом модусные и логические пропозиции перемещаются в традиционно понимаемый диктум предложения.

Ср.: По словам А. Вежбицкой <Из слов А. Вежбицкой следует, что>, метатекст функционирует прежде всего для того, чтобы говорящий и слушающий адекватно понимали друг друга; Уважаемый читатель <Я обращаюсь к Вам с просьбой: >, при чтении учитывайте прежде всего деятельностьную сторону языка; Во-первых <Первое следствие означает, что>, комментарий данного типа — это инородное тело в тексте; Во-вторых <Второе следствие заключается в том, что>, основная информация и комментирующая коррелируют друг с другом.

Указание может быть комментирующей информацией 1) о субъектах коммуникации: гаранте речи (выражается вводными конструктами со значением источника информации) и адресате речи (выражается с помощью обращения); 2) о коммуникативных действиях говорящего по оценке основной информации (выражается вводными конструктами со значениями эмоционального отноше-

ния и достоверности / недостоверности сообщаемого) и собственно метаречевых (выражается вводными конструктами со значениями отношения между частями высказывания, обозначения степени обычности излагаемой информации, отношения к оформлению мыслей, привлечения внимания собеседника). Особенностью осложняющих конструкций данного типа является не только установление комментирующего характера модусной или логической пропозиции, но и возможность характеристики номинированного коммуникативного действия.

Представляются при *добавлении* пропозиции разных типов (прежде всего диктумные), если их языковой состав отображает либо информацию, непосредственно принадлежащую другому гаранту речи, либо информацию, составляющую «общий фонд знаний» говорящего и слушающего. В этой связи отметим, что еще М.М. Бахтин писал: «... диалогические отношения возможны и к своему высказыванию в целом, и к отдельным его частям, и к отдельному слову в нем, если мы как-то отделяем себя от них, говорим с внутренней оговоркой, занимаем дистанцию по отношению к ним, как бы ограничиваем и раздваиваем свое авторство» [Бахтин, 1979, с. 315]. Комментирующий характер данных пропозиций обусловлен различной степенью отчужденности информации от говорящего. Эта степень может быть полной, когда гарантом речи выступает некто иной, что находит свое отображение в составе языкового выражения, оформленном как чужая речь при обязательном наличии основной информации, представленной диктумной пропозицией, хотя и обозначающей речемыслительную деятельность, но относящуюся к «внешнему» миру — деятельности Другого:

А. Вежбицкая, исследуя проблемы метатекста, приходит к следующему выводу: «Наши высказывания, многократно гетерогенные, гетерогенны также в том смысле, что в них переплетается собственно текст с текстом метатекстовым. Эти метатекстовые линии могут выполнять самые различные функции. Они проясняют «семантический узор» текста, соединяют его различные элементы, усиливают, скрепляют. Иногда их можно выдернуть, не повредив остального. Иногда нет» [Вежбицкая, 1978, с. 421).

Комментирующая информация с «раздвоенным авторством» реализуется на основе вставных конструкций. В научной литературе вставочные компоненты определяются как служащие выравниванию пресуппозиций коммуникантов. Пропозиции, отображенные с помощью вставных конструкций, представляют с точки зрения дискурса установочную базу для релевантного введения новой информации. Именно поэтому, несмотря на возможность сохранения не только смысловых, но и грамматически выраженных связей с языковым со-

ставом пропозиций основной информации, при помощи обособления как интонационного оформления (в письменной речи специальными маркерами выступают знаки скобки или тире) единицы информации, представленные вставными конструкциями, «выпадают» не только из линии развития основной информации, но и, образно говоря, выпадают из времени конкретного высказывания, в рамках которого они реализованы. Можно утверждать, что комментарий как назначение (функция-потенция) вставных конструкций направлен на обеспечение *пред-понимания* в герменевтическом смысле этого термина. Возможность такого рода комментария, заложенная в языковой системе, реализуется говорящим в соответствии с ходом и условиями конкретной коммуникативной деятельности.

Итак, осложненное предложение всегда отображает две и более коммуникативно неравноценные единицы информации и два и более коммуникативных действия говорящего, обеспечивающих различие в статусе реализованных пропозиций. Коммуникативные действия, направленные на изменение статуса единицы информации, сводятся к трем типам операций над соотношением предиктированных пропозиций: слиянию, расщеплению, добавлению. В языковом выражении пропозиций, соответственно, наблюдается редукция, трансформация и инкорпорирование языкового материала, что обусловливается как типом самой пропозиции — диктумной, модусной, логической, так и наличием в языковой системе средств для их выражения. Таким образом, тип осложняющей категории определяется: 1) типом «внутренних» коммуникативных (ментально-модусных) действий говорящего (слияние, расщепление, добавление), 2) типом коммуникативных (речемыслительных) действий говорящего (указание, представление), 3) типом пропозиции (диктумная, модусная, логическая) и 4) типом «внешних» коммуникативных действий при экспликации пропозиции (редукция, трансформация, инкорпорирование).

К осложняющим конструктам следует относить парцелляции, поскольку, хотя это не отдельная языковая категория, однако данный прием соотносится и по содержанию, и по форме с коммуникативными действиями по осложнению предложения. Специфика парцелляции как осложняющего компонента заключается в том, что, в отличие от других осложняющих конструктов, она представляет два отдельных высказывания. Таким образом, именно в случаях парцеллированных конструкций коммуникативное действие (речевой шаг — в любой интерпретации) предстает в «объеме» высказывания как единица информации, соотносительная с тем или иным типом преобразованной пропозиции, приобретает качественно иные коммуникативные характеристики в пространстве текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
2. *Богданов П.Д.* Обособленные члены предложения в современном русском языке. Орджоникидзе, 1977.
3. *Вежбицкая А.* Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. М., 1978. С. 402–421.
4. *Логический словарь: ДЕФОРТ* / Подред. А.А. Ивина, В.Н. Переверзева, В.В. Петрова. М., 1994.
5. Педагогическое речеведение: Словарь-справочник. М., 1998.
6. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
7. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т. 1–2.
8. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. М., 1968. Т. 3.
9. *Шаймиев В.А.* Об иллокутивных функциях метатекста, или Перечитывая А. Вежбицку... (на материале лингвистических текстов) // Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века: Сб. статей. СПб., 1998. С. 68–76.